

Городецкий Иван Вячеславович
аспирант кафедры фонетики и практики
английской речи
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Ivan Gorodetsky
PhD Student of the Department of Phonetics
and Practice of English Speech
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
gorodetsky22@yandex.by

СТАТИЧЕСКИЙ ЛОКАТИВНЫЙ ДЕЙКСИС В БЕЛОРУССКОЙ,
АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
ОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

STATIC LOCATIVE DEIXIS IN BELARUSIAN, ENGLISH
AND FRENCH PHRASEOLOGY:
UNIVERSAL AND CULTURE-SPECIFIC FEATURES

В статье рассматриваются фразеологические репрезентанты статического локативного дейксиса в белорусском, английском и французском языках. Анализируются их семантические, структурные и аксиологические характеристики, представляется фразеологическая модель статического локативного дейксиса, описываются ее общие и национально-специфические черты в трех языках.

Ключевые слова: пространство; дейксис; фразеология; статический локативный дейксис; локус.

The article examines phraseological representatives of static locative deixis in Belarusian, English and French. Their semantic, structural and axiological characteristics are analyzed. The phraseological model of static locative deixis is presented, its common and national-specific features in three languages are considered.

Key words: space; deixis; phraseology; static locative deixis; locus.

Пространство является одной из базовых категорий, формирующих восприятие окружающего мира. Согласно проведенным исследованиям отечественных и зарубежных лингвистов Е. С. Кубряковой, В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольфа, Ж. В. Краснобаевой-Чёрной, Ю. В. Гринкевича, О. П. Пивоваровой, А. Н. Чугунековой, Е. С. Яковлевой, Г. В. Савчук, О. А. Артёмовой Е. Ю. Гуай, С. Levinson, J. Lyons, M. P. Fabian, G. Kleiber, M. Aurnague данная категория репрезентируется единицами всех языковых уровней. Однако именно во фразеологии фиксируются не только указание на местонахождение объекта в пространстве – локативный дейксис, но и его оценка носителями данного языка, что обуславливает актуальность исследования фразеологических пространственных маркеров неблизкородственных языков в сопоставительном и лингвокультурном аспектах.

Материалом исследования послужили 388 фразеологических единиц, содержащих указание на положение объектов в пространстве (124 белорусских, 71 английский и 193 французских фразеологизма), отобранных методом сплошной выборки из толковых и переводных словарей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], а также иллюстративные контексты из художественных и публицистических произведений на сопоставляемых языках.

Корпус локативных фразеологизмов сопоставляемых языков конституируется двумя репрезентативными семантическими объединениями. Первая группа включает единицы с указанием близкого расстояния (103 фразеологизма: 28 белорусских, 23 английских и 52 французских) и удаленного местонахождения (55 фразеологизмов: 23 белорусских, 14 английских и 18 французских). Вторая группа содержит образные выражения с указанием на местонахождение объекта наблюдения без указания расстояния, в семантике которых зафиксирована положительная коннотация обозначаемой ими локации (31 фразеологизм: 13 белорусских, 3 английских, 15 французских единиц), отрицательная (71 фразеологизм: 45 белорусских, 14 английских и 12 французских единиц) и нейтральная оценка (128 фразеологизмов: 15 белорусских, 17 английских, 96 французских единиц).

Универсальной характеристикой фразеологической репрезентации местонахождения объекта с указанием расстояния до него в трех языках является его объективация с помощью соматического культурного кода, преимущественно – зрительным анализатором. Это обусловлено ведущей ролью визуального канала восприятия в процессе получения индивидуумом информации о мире по сравнению с другими сенсорными модальностями – слухом, обонянием, вкусом и осязанием: белорус. *твар у твар* ‘очень близко один к одному’ [2, с. 709] (*Васіль ад неспадзеўкі аж пахаладзеў: больш за ўсё не хацеў, баяўся сустрэцца з Грыбком, і на табе – твар у твар!* (Мележ) [2, с. 709]); англ. *before smb's face* – букв. ‘перед чьим-либо лицом – ‘близко’ [5, с. 256] (*Then a spirit passed before my face* ‘И над моим лицом прошёл некий дух’ [9]); франц. *face à face* ‘лицом к лицу’ [8, с. 610] (*Nous nous liâmes en outre par le melange d'une foule de souvenirs d'un milieu où je débutais, où elle était déjà célèbre, sans que les intrigues parisiennes nous eussent jamais mis face à face* (J. Cocteau) ‘Нас связывало также множество общих воспоминаний о среде, в которой я еще был новичком, а она – уже знаменитостью, но все же перипетии парижской жизни ни разу не столкнули нас **лицом к лицу**’ [8, с. 610]).

Наряду со зрительной модальностью, для белорусского и английского языков характерны фразеологические единицы, отражающие слуховое восприятие локализации объектов. Они обозначают нахождение объекта в зоне слышимости и, следовательно, возможности непосредственного речевого контакта: белорус. *над самым вухам* ‘в непосредственной близости от кого-либо’ [1, с. 225] (*Тут над вухам калі гаркне, аж ён лыжкі не данёс, у прыладу ўпяўшы вочы* (Крапіва) [1, с. 225]; англ. *within earshot* ‘в пределах

слышимости, поблизости' [5, с. 234] (*The train stopped at Kilburn park and the last passenger **within earshot** disembarked* 'Поезд остановился в парке Килберн, и последний пассажир, находившийся **в пределах слышимости**, сошёл с поезда' [10]). Для французской фразеологии подобные единицы не характерны, что указывает на относительно меньшую значимость слуховой модальности в категоризации пространства.

Наряду с соматическим культурным кодом, понятие пространственной близости реализуется компонентами-лексемами, обозначающими элементы антропогенного происхождения: *сцяна ў сцяну* 'близко' (*Дзед Андрэй і дзед Халімон – суседзі... Пражылі яны, можна сказаць, **сцяна ў сцяну** ўсё сваё жыццё. А кожнаму з іх цяпер па восем дзесяткаў адгрукала* (Ваданосаў) [2, с. 662]); *on one's doorstep* – букв. 'на пороге' – 'рядом, поблизости' [5, с. 223] (*Here are built a huge shopping and entertainment centers, incredible natural landscape, to the sea **on the doorstep***. 'Здесь строятся торговые и развлекательные центры, невероятный природный ландшафт, до моря **рукой подать**' [9]); *aux portes de* 'у ворот' (*Nous sommes presque **aux portes de** la ville* 'Мы уже **на подступах** к городу').

Согласно С. А. Калининой, это не случайно, поскольку подобные выражения имеют глубинные культурные корни: изначально для человека окружающий ландшафт служил основным ориентиром в пространстве, формируя представления о близости и доступности. На первых этапах осмысления мира такими ориентиром выступали природные объекты – леса, поля, горы, реки и равнины. Позднее эту роль всё активнее стали выполнять элементы повседневной бытовой среды, воспринимаемой человеком как «своей» и близкой [11, с. 23].

Группа фразеологизмов с семантикой удаленности количественно менее репрезентативна по сравнению с группой маркеров близкого местонахождения в трех языках: 55 фразеологических единиц группы «далеко» (14,1 %) и 103 фразеологизма группы «близко» (26,5 %). Конституенты данного семантического объединения указывают на нахождение объекта за пределами сенсорного восприятия наблюдателя, тем самым подчеркивая его отчужденность, труднодоступность или пространственную изоляцию. При этом в каждом из трех языков прослеживается своя перцептивная доминанта, определяющая образное наполнение подобных выражений. В белорусском и французском языках удаленность преимущественно осмысляется через визуальную модальность: белорус. язык *за вачамі* 'далеко от дома, без присмотра' [1, с. 180] (*У пачатку кастрычніка збіраюся паехаць у Маскву, праведаць Міхаську, падвезці сяго-таго з харчоў. **За вачамі**, адзін. Усё гэта вельмі **непакоіць мяне*** (Колас) [1, с. 180]): франц. *à perte de vue* – букв. 'в потере зрения' – 'насколько глаз хватает, необозримо, бесконечно (далеко)' [8, с. 1185] (*Cette prairie est à couper le souffle, avec des fleurs sauvages en pleine floraison **à perte de vue*** 'Этот луг захватывает дух, цветущие полевые цветы простираются, **насколько хватает глаз**' [9]).

В английской и французской фразеосистемах удаленное местонахождение объекта образно связано со слуховой модальностью: англ. *out of earshot* 'вне пределов слышимости' [5, с. 234] (*She checked that the sentry was out of earshot, and told him what she had heard* (Hendry, Frances Mary) 'Она убедилась, что часовой находится **вне пределов слышимости**, и рассказала ему о том, что услышала' [10]); франц. *à perte d'ouïe* – букв. 'в потере слуха' – 'на далёком расстоянии, вне слышимости' [8, с. 1185] (... *les mugissements du bétail à perte d'ouïe dans l'Ontario* (Driss Chraïbi) '...мычание скота слышно **издалека** на огромном пространстве в Онтарио' [12, р. 179]).

Значимой универсалией во фразеологической объективации удаленного местонахождения является использование религиозно мотивированной лексики. Образность подобных выражений исторически формировалась в рамках наивной картины мира, в которой высшие силы обитают за пределами привычного обжитого пространства носителей сопоставляемых языков: белорус. *богам забыты* 'глухой, отдалённый (уголок, деревня и т.п.)' [1, с. 432] (*Тут ён [Антон] амаль не баяўся нікога: на гэтым богам забытым хутары наўрад ці хто мог быць старонні* (Быкаў) [1, с. 432]). В английском языке это выражение *at the back of God-speed* – букв. 'за пределами Божьего благословения' – 'на краю света, у чёрта на куличках' [5, с. 56] (*If I don't leave you at the back of God-speed before long. I'll give you the mare...* (A. Trollope) 'Если я не скоро уеду из этой **глуши**, то я отдам вам кобылу...' [5, с. 56]); франц. *au tonnerre de Dieu(x)* – букв. 'в громе Божьем' – 'очень далеко, у черта на куличках' [8, с. 1514] (*Je suis à Toul, tu comprends? Toul! Une ville moisie, au tonnerre de Dieux* (G. Duhamel) 'Я в Туле, понимаешь? Туль! Захудалый город **у черта на куличках**' [8, с. 1514]).

Универсальным в актуализации семантики удаленности во фразеологии трех языков является использование лексем, обозначающих предел или крайнюю точку пространства, находящуюся за границами зрительного и аудиального восприятия человека и недоступную для наблюдения: белорус. *на краі свету (зямлі)* 'где-нибудь очень далеко' [1, с. 597] (*І зразумеў, што прызначыў бы ёй сустрэчу хоць на краі свету* (Караткевіч) [1, с. 597]); англ. *at the ends of the earth* – букв. 'на концах Земли' – 'на краю света' [5, с. 241]: *Gregory nodded, and Frona said, "I am sure you met at the ends of the earth somewhere"* 'Грегори кивнул головой. – Я уверена, что вы встречались где-нибудь **на краю света**, – сказала Фрона' (J. London. *A Daughter of the Snows*) [10]; франц. *au bout de l'univers* – букв. 'в конце Вселенной' – 'на краю света' [8, с. 207] (*Dire que je t'aurais suivi au bout de l'univers* 'А я хотела идти за тобой **на край света**' [9]).

Белорусская национально-культурная специфика фразеологической репрезентации удаленной локализации объектов проявляется образной связью единиц данной группы

1) с народной мифологией, глубоко укорененной в народном сознании. Одним из наиболее ярких источников образности здесь выступает образ черта – злого духа, традиционно олицетворяющего в белорусском фольклоре

разрушительные силы и вредоносное начало [13, с. 765]: *у чорта на рагах* ‘очень далеко, в отдалённых или глухих местах’ [2, с. 907] (*Старыя гаспадары з’ехалі, альбо памерлі, а новых не знаходзілася. Пакупнікі не спяшаліся выкласці грошы за куток вясковасці ў чорта на рагах* (Д. Кудрэц. Вясковыя гісторыі. Дваццаць год апасля); *у чорта ў зубах* ‘очень далеко, в отдалённых местах’ [2, с. 907] (*Шахты – нічога, можна жыць, каб толькі яны не за светам, не ў чорта ў зубах, бо пакуль дабярэшся туды, – нацерпішся ўсякага ліха* (Ракітны) [2, с. 907]); *у чорта на кулічках* ‘очень далеко, в отдалённых местах’ [2, с. 906] (*– Не суй носа ў чужое проса. – Праўда вочы коле... Што там, у чорта на кулічках, мёдам намазана?* (П. Місько) [14]);

2) с эндемичными антропонимами. Так, имя *Макар* в славянской ономастике традиционно ассоциируется с бедняком, несчастным и безземельным крестьянином, вынужденным пасти чужой скот на самых глухих и заброшенных пастбищах [15, с. 411], что послужило образной основой фразеологических единиц, указывающих на значительное расстояние до локализуемого объекта: *куды Макар цялят не ганяў* ‘очень далеко, в очень удалённом или труднодоступном месте’ [2, с. 12]; (*Слухай, мілы чалавек, я пачаў ускіпаць, мне хочацца паслаць цябе туды, куды Макар цялят не ганяў!* (Якавенка) [2, с. 12]); *дзе Макар козы пасе* ‘очень далеко’ [2, с. 11] (*Спусцілі і шкуру [пад лёд], разрэзаўшы на два кавалкі, – павёў нажом Падбярэцкі ад шыі да хваста... Знясе вада ў падводкі, дзе Макар козы пасе...* (Пташнікаў) [2, с. 11]).

Наряду с двумя семантическими объединениями, маркирующими близкую и удаленную точку локализации, в сопоставляемых фразеологических корпусах наличествует группа единиц, указывающих на местонахождение объекта без указания расстояния до него, но обладающих ярко выраженной аксиологической направленностью с оценкой локуса по шкале «хорошо» (родное, известное выгодное место) и «плохо» (чужое, неизвестное, невыгодное место).

Указание на хороший локус в белорусской и французской фразеологии реализуется использованием религиозных лексем – компонентов с положительной коннотацией: *Бог* – высшее сверхъестественное существо, создатель и управитель вселенной, объект поклонения, обеспечивающий защиту, гармонию и высшую справедливость, *рай* – место, где души умерших праведников ведут блаженное существование, *Авраам* – ветхозаветный патриарх, родоначальник многих народов. Например, *бог начуе дзе* ‘где очень хорошо, всё в порядке, удачно’ [1, с. 115] (*Вялікім дабром стала гарантаваная аплата. Але ўсё роўна сяло, зямля не прываблівае, уцякаюць людзі, хоць у Беларусі яшчэ кажучь, бог начуе* (І. Шамякін) [1, с. 115]); *зямны рай* ‘необычайно красивое место, где можно счастливо и беззаботно жить’ [2, с. 307] (*Пасля безупынных даджоў жыццё ў цёплых хатах здавалася зямным раем* (Жураўскі) [2, с. 307]); франц. *en haut* – букв. ‘вверху’ – ‘в раю, в царстве небесном; наверху, в высших сферах’ [8, с. 797] (*Cet atas des*

iniquités et des douleurs, tout ce qui se passait en bas dans la misère et dans le crime, tout ce qui se passait en haut dans la richesse et dans le vice (E. Zola) ‘Вот это нагромождение зла и страданий, все то, что происходит внизу, в нищете и преступлениях, все то, что происходит **вверху**, в богатстве и пороке’ [8, с. 797]); *dans le sein d’Abraham* ‘в лоне Авраамовом, в раю’ [8, с. 1404] (*Et il advint que le mendiant mourut et fut emporté par les anges pour reposer dans le sein d’Abraham* ‘И случилось так, что нищий умер и отнесен был ангелами для упокоя к **Аврааму**’ [9]).

Наряду с религиозным культурным кодом, положительная оценка пространства в сопоставляемых фразеологизмах формируется их образной связью со статусом, безопасностью, удобством и комфортом. Например, белорус. *месца пад сонцам* ‘устойчивое, высокое положение в обществе’ [2, с. 41] (*Бачыш, сабраліся і з Заходняй, і з Усходняй, тыя, хто з палякамі быў і хто з бальшавкамі. І ўсе патрабуюць месца пад сонцам* (Б. Сачанка) [2, с. 41–42]) и *ціхая завадзь* ‘спокойное, безопасное место’ [1, с. 432] (*А яна думала, што пасля Пецярбурга трапіць у ціхую завадзь* (Арабей) [1, с. 432]); англ. *under the sun* букв. под солнцем – ‘в этом мире, на земле, на свете’ [5, с. 737] (*She was calling herself all the names under the sun, but it made no difference* (Heywood) ‘Она называла себя всеми именами, какие только есть **на свете**, но это не имело никакого значения’ [10]). Положительная коннотация локуса в английском языке реализуется его выгодой и удобством для говорящего: *coign of vantage* – букв. ‘угол преимущества’ – ‘выгодная позиция, удобный наблюдательный пункт’ [5, с. 159] (*The treehouse served as a coign of vantage for the kids during their games* ‘Дом на дереве служил детям **удобным местом** во время игр’ [9]). Во французском языке положительная оценка местоаналога формируется использованием пищевой метафоры в лексемах-компонентах, обозначающих продукты, являющиеся символом достатка: *assiette au beurre* – букв. ‘тарелка с маслом’ – ‘выгодное, доходное место’ [8, с. 82] (... *la nouvelle génération a flairé le vent. Elle sent, au fond, que c’est fini, qu’elle ne gardera pas indéfiniment l’assiette au beurre* (R. Martin du Gard) ‘... Молодое поколение чувствует, что времена изменились. Оно понимает, что это конец и ему не удастся сохранить **тёпленькое местечко**’ [9]).

Общим во фразеологической репрезентации положительной коннотации локуса в трех фразеосистемах является ее образная связь с частями дома – архитектурного сооружения, предназначенного для жилья и имеющего стены, углы, дверь и крышу: белорус. *родны кут* ‘родина, родные места, место рождения’ [3, с. 285] (*Значыць, у тую завейную ноч ягоныя ногі вялі... Самі вялі, каб у родны кут. Але чаму так?* (Быкаў) [13]); англ. *within doors* – букв. ‘в пределах дверей’ – ‘в доме, в помещении’ [5, с. 223] (*We have stayed too long within doors* (F. Morgan) ‘Мы слишком долго оставались **внутри дома**’ [10]); франц. *dans ses murs* – букв. ‘в своих стенах’ – ‘у себя дома’ [8, с. 1048] (*Le Policier est de retour dans ses murs* ‘Теперь труппа вернулась **в родные стены**’ [9]).

Во французской фразеологии положительная оценка «родного места» обусловлена такими ключевыми культурными ценностями, как братство – *chez nous* – букв. ‘у нас’ – ‘в нашем краю, в наших краях, у нас’ [8, с. 302] (*La soirée jeux chez nous était un pur délice et pleine de rires* ‘Вечер игр у нас дома был очень увлекательным и полным смеха’ [9]) и свобода – *en pleine air* – букв. ‘на открытом воздухе’ – ‘на свободе’ [8, с. 33] (*Jusqu’ici, tu étais fixée à un fort pilier: tu n’as pu jurer de ton caractère; te voilà en plein air; agis d’après toi* (Stendhal) ‘До сих пор у тебя была надежная опора, и ты не могла судить о своем характере. Теперь же ты **свободна** и должна действовать на свой страх и риск’ [8, с. 33]).

Группа единиц с отрицательной коннотацией указания на местонахождение объекта (7,9 %) характеризуется количественным преобладанием над семантическим объединением единиц с положительной оценкой его локализации (18,3 %).

Универсальной характеристикой в трех языках является объективация отрицательной коннотации указания на местонахождение объекта

1) зооморфной метафорой. Например, в белорусском языке используется фразеологизм *сабакам сена касіць* ‘находиться неизвестно где, прячась от семьи’ [1, с. 564], основанный на алогичности ситуации, приписывающей собакам несвойственное им занятие (– *А дзе ж твой?* – *Ай, маўчы ты. Сабакам сена касіць. Развяліся, Тамарачка* (Сіпакоў) [1, с. 154]). В английской и французской фразеологии используется образ льва: англ. *lion’s den* – букв. ‘логово льва’ – ‘опасное или неприятное место, сложная ситуация или испытание’ [9] (*Reyes is dragging us into the lion’s den* ‘Рейес тащит нас в **львиное логово**’ [9]); франц. *antre / caverne du lion* – букв. ‘логово / пещера льва’ – ‘логово зверя; опасное место’ [8, с. 63] (*Le palais de justice est l’antre du Lion: on sait comment les fortunes y entrent, mais on ignore comment elles en sortiront* ‘Дворец правосудия – это **логово зверя**, все знают, какими входят туда люди, рискуя всем, но никто не знает, какими они оттуда выходят’ [8, с. 63];

2) античной мифологией: белорус. *аўгіевы стайні (канюшні)* ‘очень грязное, запущенное помещение’ [2, с. 620] (*Чаго туды лезці... Там рамонт ідзе, аўгіевы канюшні...* («Маладосць») [2, с. 620]); англ. *the Augean Stables* – букв. ‘Авгиевы конюшни’ – ‘место или ситуация, в которых наблюдается плохое или нечестное поведение’ [7] (*A campaigning U.S. attorney decided that Wall Street was an Augean Stables that he was destined to muck out* ‘Один из ведущих предвыборную кампанию прокуроров США решил, что Уолл-стрит – это **Авгиевы конюшни**, которые ему суждено вычистить’ [7]); франц. *les écuries d’Augeas* (*C’est les écuries d’Augeas!* ‘Это ещё те **Авгиевы конюшни**’ [9]).

Белорусской спецификой актуализации неизвестного и чужого локуса выступает его образная связь с народной мифологией – богатым пластом народных верований, преданий и легенд, обусловленным природой и бытом белорусского лингвосообщества. Так, для обозначения неблагоприятного или

плохого места используются мифологические образы, связанные с болезнями (*халера носіць* 'скитаться где-нибудь' [2, с. 825]: *Збан зірнуў ... на гадзіннік. Роўна восем. – Дзе ж іх халера носіць?* (Шашкоў) [2, с. 825]); растениями, символизирующими смерть или нечистую силу (*чамярыца яго ведае* 'неизвестно где' [2, с. 884]: *І чамярыца яго ведае, як гэта неяк хітра на свеце ўстроена!* (Я. Купала. Тутэйшыя); природными стихиями (*агонь яго ведае* дзе 'неизвестно где' [1, с. 52]: *От і клаў жа, здаецца, у кішэню за пазуху, а дзе яна магла дзецца, дык агні яе ведаюць* (Чорны) [1, с. 52]; *вятры яго ведаюць* дзе 'неизвестно где' [1, с. 274] :– *А дзе ж сын быў, ці ён не бачыў? – Вятры яго знаюць, мо адлучыўся з дому* (Адамчык) [1, с. 274]).

Таким образом, фразеологическая модель статического локативного дейксиса в трех языках организуется двумя семантическими оппозициями: «близко – далеко» с учетом расстояния до локализуемого объекта, реализуемой соматическим культурным кодом, и «хорошее – плохое», неизвестное, опасное, неблагоприятное место, связанное с зооморфной метафорой и античной мифологией. Национальная специфика фразеологической объективации локуса заключается в образной связи единиц с фольклорно-мифологическими сущностями в белорусском языке; преобладании аудиальной модальности в оценке расстояния до местонахождения объекта и его относительной аксиологической нейтральности в английской лингвокультуре; обусловленности указания на местоположение объекта общенациональными ценностями во французском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 1 : А – Л. – 669 с.
2. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 2 : М – Я. – 968 с.
3. *Аксамітаў, А. С.* Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа: звыш 6000 слоўн. арт. / пад рэд. А. С. Аксамітава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
4. *Санько, З.* Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 224 с.
5. *Кунин, А. В.* Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд. перераб. и доп.– М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. – URL: <https://www.ldoceonline.com> (date of access: 03.08.2025).
7. Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations... – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 04.08.2025).
8. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак [и др.]. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1625 с.
9. Reverso Context. – URL: <https://www.context.reverso.net> (date of access: 04.08.2025).

10. The British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (date of access: 04.08.2025).
11. Калинина, С. А. Топонимические фразеологизмы современного английского языка как знаки материальной и духовной культуры / С. А. Калинина // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2020. – № 4 (84). – С. 23-29.
12. Tolliver, J.-F. The Quebec Connection: A Poetics of Solidarity in Global Francophone Literatures (New World Studies) / J.-F. Tolliver. – University of Virginia Press, 2020. – 294 p.
13. Kalita, I. 'Черт' в семиосфере фразеологии (компаративный ракурс: чешский vs. белорусский языки) / I. Kalita // Idil Sanat ve Dil Dergisi. – 2016. – Cilt 5, Sayı 22, Vol. 5, Issue 22. – P. 749–774.
14. Лепешаў, І. Я. У фразеалагічную скарбонку / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2004. – 132 с.
15. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель; АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
16. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.08.2025).
17. Легенды і паданні / М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі, В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.

Поступила в редакцию 12.09.2025